

Слепые. Художник Питер Брейгель Старший. 1568

УДК 327.2

Комлева Н.А.

Структура мирового господства

Комлева Наталья Александровна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина
E-mail: komleva1@yandex.ru

В статье изложена оригинальная концепция множественности геополитических пространств (географического, политического, экономического, информационно-кибернетического), предложено определение сущности феномена мирового господства и его структуры как совокупности основных институтов, ресурсов и способов (технологий) осуществления абсолютного контроля всех геополитических пространств. Таким образом, структура мирового господства троична и содержит: 1) институциональную, 2) ресурсную и 3) технологическую подструктуры. Показано, что несмотря на тенденции уменьшения политической и геополитической роли государств в современном мире, до сих пор актором мировой политики как способа установления контроля над геополитическими пространствами остается государство, являющееся институтом, который обладает для этого наибольшим объемом и наилучшей структурой ресурсов. Автор анализирует институт глобального лимитрофа как материальное выражение главного института мирового господства – института глобальной зависимости от сверхдержавы. Выделены и проанализированы основные формы и методы установления контроля над геополитическими пространствами.

Ключевые слова: мировое господство, структура мирового господства, геополитические пространства, глобальный лимитроф, панельные и точечные технологии геополитического контроля.

Феномен мирового господства исследовался начиная с работ сэра Хэлфорда Маккиндера, впервые разработавшего глобальную геополитическую концепцию более чем сто лет назад¹. В течение прошедших ста лет с наибольшей интенсивностью изучались следующие вопросы:

¹ Данная концепция впервые была изложена Х.Д. Маккиндером 25 января 1904 г. на заседании Королевского географического общества Великобритании в докладе «Географическая ось истории». Позже доклад был опубликован в виде статьи в журнале «The Geographical Journal». На русском языке см.: Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4, а также: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://geopolitics.nm.ru/mackinder.html>

1) ключевая пространственная локализация мирового господства – каким именно типом и сектором пространства необходимо овладеть для обеспечения мирового господства (Мэхэн, Маккиндер, Спайкмен, Лакост, Галуа, Северски, С. Коэн и др.);

2) способы достижения и удержания мирового господства (кроме вышеперечисленных ученых – Модельски, Томпсон, Кеннеди, Бжезинский, Киссинджер, Най-младший и др.);

3) общая теория генезиса державы-мирового лидера (так, Дж. Модельски выделяет четыре фазы «накопления опыта», т.е. процесса становления державы – мирового лидера: определение повестки дня; построение коалиций; макрорешение; исполнение¹); 4) взаимоотношения с основным соперником в борьбе за удержание мирового господства (Бжезинский, Модельски, Бергстен, Гилл, Ларди, Митчелл, Лапкин и Пантин).

Заметим, что само понятие мирового господства вышеперечисленными выдающимися геополитиками не определяется, его содержание трактуется «по умолчанию», аксиоматически. На наш взгляд, точное определение понятия «мировое господство» дал А.Г. Дугин: «организовать мировое пространство на своих принципах и к своей пользе», – и то данная формулировка в буквальном смысле дана «вскользь»! Полная цитата: «Державы победившей Германию и Австрию Антанты представляют собой ядро «цивилизации Моря», которая отныне должна осознать свое единство и воспользоваться победой для того, чтобы организовать мирового пространство на своих принципах и к своей пользе».² Современные западные авторы предпочитают – в целях соблюдения политкорректности – использовать не понятие «мировое господство», но такие термины, как «мировое лидерство» (Модельски, Кристол, Бжезинский), «мировая гегемония», «мировое могущество» (Бжезинский), «мировое влияние» (Сестанович), не формулируя при этом точного содержания данных понятий. Современные российские авторы (В.А. Дергачев, Б.А. Исаев, Э.Я. Баталов), определяют мировое господство через его синонимы – мировое доминирование (вариант А.Г. Дугина – мировая доминация), мировую гегемонию³, что также не проясняет сути данного явления, т.к. давать определение через определяемое логически неверно.

Политическая корректность формулировок в геополитических текстах позволяет избежать обвинений в геополитической агрессивности и «имперских амбициях» как авторам научных работ, так и практикующим политикам. Однако геополитическая наука со времен ее появления в конце позапрошлого века является наукой цинической, поскольку только прямо и ясно выраженные интенции позволяют выстроить четкие и эффективные схемы геополитического действия. Станем поэтому употреблять «неполиткорректное», но точное понятие «мировое господство» и попытаемся дать собственное определение этого феномена. На наш взгляд, **мировое господство представляет собой абсолютный контроль всех геополитических пространств со стороны одного и того же актора**. При этом, несмотря на глобалистские тенденции уменьшения политической и геополитической роли государств в современном мире, нам представляется, что до сих пор таким актором остается государство как институт, обладающий наибольшим объемом и наилучшей структурой ресурсов для осуществления контроля геополитических пространств. Государства обладают неодинаковыми возможностями для осуществления мирового господства. Контроль всех типов геополитических пространств возможен лишь для государства, имеющего статус сверхдержавы, т.е. обладающего совокупной мощью, абсолютно превосходящей совокупную мощь любого другого государства данной эпохи.⁴

Поясним лексему «все геополитические пространства». По нашему мнению, имеются четыре основных геополитических пространства. Наряду с географическим пространством, которое классическая геополитика полагала единственным полем геополитических интенций, в ходе разворачивания человеческой цивилизации на стадии ее индустриального развития формируется экономическое пространство как геополитический фактор, а на постиндустриальной стадии – информационное пространство в совокупности информационно-идеологического и информационно-кибернетического. В рамках современного геополитического процесса информационное пространство становится доминирующим⁵.

Мировое господство, охватывая все геополитические пространства, несомненно, является системным феноменом, и, как любая система, имеет определенную структуру⁶. На наш взгляд, вопрос о структуре мирового господства остается мало разработанным.

Обратимся к понятию «структура». Латинский термин «structura» переводится как «строение, расположение, порядок». В более широком смысле структура – это организация содержания, то, что остается неизменным при любых преобразованиях системы, не меняющих ее сущности⁷. На основании вышеизложенного попытаемся определить понятие «структура мирового господства».

Структура мирового господства – это совокупность основных институтов, ресурсов и способов (технологий) осуществления абсолютного контроля всех геополитических пространств. Таким образом, структура мирового господства троична и содержит: 1) институциональную, 2) ресурсную и 3) технологическую подструктуры. По нашему мнению, институты, ресурсы и технологии – это именно те факторы, которые дают возможность «организации содержания» мирового господства. Ресурсы и технологии лежат в основе фе-

¹ На русском языке см.: Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. 2005. № 3.

² Дугин А.Г. Геополитика. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2011. С. 88.

³ См., например: Дергачев В.А. Мировая гегемония // Дергачев В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/12/80.html>

⁴ Подробнее см.: Комлева Н.А. Геополитический статус государства: сущность и типология // Геополитика и безопасность. 2010. № 1 (9); Тынянова О.Н. В поисках смысла концепта «политическая глобализация» // Ценности и смыслы. 2010. № 4.

⁵ Подробнее см.: Комлева Н.А. Феномен экспансии. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2002.

⁶ Объем статьи не позволяет углубляться в вопрос различия между феноменом структуры мирового господства и феноменом мирового порядка. Заметим лишь, что обычно, говоря о мировом порядке, имеют в виду специфику баланса мировых центров силы и принципы построения мирового порядка, что, по нашему мнению, неравнозначно феномену структуры мирового господства.

⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 657.

номена совокупной мощи геополитических акторов. Сверхдержава, т.е. актор государственной природы, осуществляющий мировое господство, имеет наибольшее количество и наилучшее качество ресурсов и технологий для обеспечения своего глобального статуса.

Ресурсная подструктура мирового господства являлась предметом исследования поколений ученых как классического, так и постклассического периода развития геополитической науки. Не будем пересказывать известные концепции выдающихся представителей геополитической науки различных периодов ее развития – от Мэхэна до Бжезинского. Отметим лишь, что не ресурсы географического пространства, но идеологические и кибернетические ресурсы играют в современном геополитическом процессе наибольшую роль. Этот факт был признан во второй половине прошлого века французами И. Лакостом и П.-М. Галлуа (ведущая геополитическая роль СМИ), а в наше время доказан российскими учеными, прежде всего А.Г. Дугиным, А.С. Панариным и И.Н. Панариным¹. В связи с глубокой проработкой в геополитической литературе вопроса о ресурсной подструктуре мирового господства, в данной статье мы его затрагивать не будем.

Значение **институциональной подструктуры**² для эффективного осуществления мирового господства подчеркивал Бжезинский применительно к современным Соединенным Штатам Америки: «Американское глобальное превосходство... подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир».³ Само собой разумеется, что в этих «союзах и коалициях» главенствующую роль играет именно сверхдержава. С помощью вышеназванной системы формируется такой важнейший, по нашему мнению, институт мирового господства, как глобальная система лимитрофов, или **глобальный лимитроф сверхдержавы**. Здесь необходимо небольшое рассуждение о природе лимитрофов.

По нашему мнению, лимитрофом в современную геополитическую эпоху является не просто совокупность приграничных государств, географически прилежащих к определенной державе⁴, но совокупность государств и негосударственных акторов, пространства которых прочно контролируются мощным государством, выступающим в данном случае в роли геополитического тьютора⁵. При этом лимитрофы выстраиваются не только в географическом, но также в экономическом и информационно-идеологическом пространстве. Элементом лимитрофа может выступать актор государственной или негосударственной природы, географически отдаленный от геополитического тьютора, но включенный в экономическое и информационно-идеологическое пространство тьютора и находящийся под его политическим контролем. Поскольку информационная революция в обществе Постмодерна меняет иерархию геополитических пространств, и на первое место выходит информационно-идеологическое пространство, то лимитрофы могут приобретать идеологическую или экономическую природу и вообще не соотноситься с возможностями географического контроля со стороны тьютора. К примеру, НАФТА является лимитрофом США в экономическом пространстве Америки, а бывший социалистический лагерь после разрушения идеологического лимитрофа СССР перешел в идеологическое пространство либеральных демократий, сохранив свои лимитрофные характеристики. Тьютором может выступать и актор негосударственной природы, к примеру, глобальная корпорация, но ни одна корпорация не может иметь той же совокупной мощи, какую имеет сверхдержава, и не может выстроить глобальный лимитроф во всей его комплексности: экономической, военной, идеологической, дипломатической.

В геополитическом пространстве стран-сателлитов в рамках лимитрофа используются значительно меньшие объемы ресурсов борьбы с геополитическим противником (противниками), чем в случае, если бы таковая борьба происходила непосредственно в геополитическом пространстве державы-экспансиониста. Лимитрофы принимают на себя удары, предназначенные их тьюторам, и позволяют последним сохранять силы и ресурсы; при этом наиболее мощные тьюторы создают целую систему относительно независимых друг от друга лимитрофов, прикрывающих их на все более отдаленных рубежах. Помимо этого лимитрофные государства дают мощным державам выход к ранее недоступным или труднодоступным геополитическим зонам (открытый или теневой передел мира).

Элементы лимитрофа как государственной, так и негосударственной природы имеют следующее преимущество своего положения: защиту и помощь со стороны государства-тьютора в своем выживании и развитии – до пределов, определяемых совокупной мощью государства-тьютора и его стремлением не создавать себе дополнительных проблем и новых соперников в интересующих его пространствах. Одновременно лимитрофное положение может привлечь на пространства конкретных государств или негосударственных структур социальные, политические и военные конфликты, спровоцированные в интересах тьютора.

Автор данной статьи делит государства по критерию их совокупной геополитической мощи на пять статусных групп: сверхдержавы, великие державы, региональные сверхдержавы, региональные державы и малые государства. Все они целенаправленно строят лимитрофы, пространства которых пересекаются, поскольку державы и государства более низкого статуса сами входят в лимитроф державы более высокого статуса. В соответствии с вышесказанным: чем более высоким геополитическим статусом обладает данная держава, тем более многоуровневый лимитроф она имеет. Так, вторым уровнем лимитрофа сверхдержавы являются лимитрофы великих держав, третий уровень образуется лимитрофами региональных сверхдержав, четвертый – лимитрофами региональных держав и, наконец, пятый – это крошечные лимитрофы некоторых малых госу-

¹ См.: Дугин А. Геополитика Постмодерна. М.: Амфора, 2007; Панарин А.С. Правда «железного занавеса». М.: Алгоритм, 2006; Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006.

² Если следовать Э. Дюркгейму, то под политическим институтом понимается совокупность регулирующих норм, материализующихся в деятельности определенных организаций. По М. Веберу, политический институт – это образования, учреждения, сообщества индивидов, обладающие признаками надындивидуальности. В данном случае применяются оба этих подхода.

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С. 41.

⁴ См.: Цымбурский В.Л. Россия – земля за Великим лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000

⁵ Тьютор (англ. *tutor*) – тот, кто поучает, а также руководит занятиями, обучает.

дарств, совокупная мощь которых позволяет подчинять себе еще более слабые малые государства.

Разумеется, государства с различным геополитическим статусом играют в лимитрофе державы-тьютора отличающиеся роли, и государства с более высоким статусом обладают известной самостоятельностью в рамках геополитического процесса. Со своей стороны, и государство-тьютор ведет себя по-разному по отношению к государствам лимитрофа в зависимости от статуса данного лимитрофного государства и конкретной геополитической ситуации.

Геополитическая практика показывает, что для сверхдержавы наиболее результативным является включение в состав своего лимитрофа региональных держав первого и второго уровня (региональная сверхдержава и «простая» региональная держава). Влияние на региональные державы позволяет контролировать не только географическое, но и все иные виды пространств определенного региона. Разумеется, далеко не всегда региональная держава «таскает каштаны из огня» для кого-то другого, поскольку реализует и собственные интересы, которые могут не совпадать с интересами сверхдержавы-тьютора, имеющей влияние на нее. В весьма ограниченном масштабе, определяемом его ничтожной совокупной мощью, даже малое государство может иметь определенную самостоятельность по отношению к своему непосредственному тьютору или генеральному тьютору лимитрофа. Однако стимулы, применяемые сверхдержавами для подчинения государств более низкого статуса, бывают настолько сильны, что практически исключают возможность непослушания (кредиты, например, и нарастающие проценты по ним, которые становятся истинными экономическими кандалами, надежно связывая геополитическое и иное политическое поведение государства-должника).

Еще раз подчеркнем, что внутри лимитрофа выстраивается собственная геополитическая иерархия как в соответствии с объективно существующей разницей совокупной мощи акторов, так и целенаправленными усилиями тьютора. Государства более высокого статуса (то есть обладающие большей совокупной мощью в сравнении с остальными элементами лимитрофа) имеют собственные лимитрофы. Эти лимитрофы более низкого уровня используются «генеральным тьютором» в своих интересах через воздействие на державу-тьютора данного лимитрофа. Однако в рамках лимитрофа более низкого уровня тьютор данного лимитрофа имеет некоторую свободу геополитического действия, определяемую разницей между собственной совокупной мощью и мощью элементов своего лимитрофа. В связи с этим тьютор более низкого уровня может вступать в конфликт интересов с генеральным тьютором, используя при этом в качестве орудия противостояния ресурсы своего лимитрофа. Эти конфликты, как правило, ситуативны и недолговременны. Чем ниже уровень тьютора, тем меньше у него возможностей для противостояния «генеральному тьютору» и тьюторам более высокого уровня в рамках одного и того же лимитрофа.

Таким образом, лимитроф сверхдержавы представляет собой многоуровневое образование, включающее лимитрофы входящих в него держав меньшего геополитического статуса. Сложность такой конструкции предопределяет ее противоречивость: не только зависимые державы лимитрофа могут ситуативно противостоять генеральному тьютору, но государства лимитрофов второго, третьего и последующего уровней могут прибегать к покровительству зависимых держав-тьюторов лимитрофа в стремлении добиться больших предпочтений от генерального тьютора.

Отражением и выражением результативности процесса формирования глобального лимитрофа со стороны сверхдержавы является сосредоточение в ее столице «глобальных институтов, отражающих историческую связь между глобальной мощью... и глобальной взаимозависимостью...»¹, что позволяет контролировать все геополитические пространства лимитрофа «из дома», «в пределах шаговой доступности».

Институт глобального лимитрофа является материальным выражением **главного института мирового господства – института глобальной зависимости от сверхдержавы**. Супермощь сверхдержавы в экономическом и информационном пространстве, ее абсолютная военная мощь являются ресурсами, позволяющими сформировать высокую степень зависимости от нее практически любого государства мира. Степень данной зависимости определяет собственная совокупная мощь лимитрофного государства.

С помощью глобального лимитрофа, формируемого сверхдержавой, выстраивается еще один важный институт мирового господства – **глобальная элита, лояльная ценностям и интересам сверхдержавы**. Это своеобразные «агенты влияния» мирового лидера в каждой конкретной стране. Бжезинский так описывает современную глобальную элиту: «Представители этой элиты свободно говорят по-английски (обычно в американском варианте) и пользуются этим языком для ведения дел; эта новая глобальная элита характеризуется высокой мобильностью, космополитическим образом жизни; ее основная привязанность – место работы, обычно это какой-либо транснациональный бизнес или финансовая корпорация»². Глобальная элита современности обладает «глобалистскими взглядами и транснациональной лояльностью»³. Иными словами, глобальная элита (элита глобального лимитрофа сверхдержавы) впитывает и транслирует в обществах государств лимитрофа образ жизни и систему ценностей мирового лидера, обеспечивая тем самым его господство в сферах быта и сознания – или, другими словами, поддерживает господство сверхдержавы в экономическом и идеологическом пространстве на уровне повседневности. Важным средством формирования глобальной элиты со стороны сверхдержавы является такой институт, как система образования, а также технология предоставления образовательных услуг гражданам других стран, в том числе и целенаправленно – для политической, военной, экономической элиты глобального лимитрофа сверхдержавы. Институт образования является как формирующим, так и «поддерживающим» в отношении института глобального лимитрофа.

Глобальный лимитроф и глобальная элита функционируют во всех четырех основных геополитических пространствах.

Институт глобального лимитрофа проявляется в идеологическом пространстве через **институт языка гло-**

¹ Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Там же.

бального межнационального общения, которым не может быть ничто иное, чем государственный язык сверхдержавы. «Смысл содержится не в мире объектов, внешнем для говорящего человека, но в глубинных структурах языка, в его парадигмах. И поэтому каждая лингвистическая общность, объединенная языком, имеет дело со своим особым миром, с особой вселенной смыслов»¹. Использование государственного языка сверхдержавы как языка политического, делового и бытового общения в определенной степени меняет культурный код обществ лимитрофных государств – вначале на уровне элиты, а затем во всё большей степени преобразует и смысловую структуру массового сознания. В этом же ряду, на наш взгляд, стоит и изменение алфавита языка лимитрофного общества – переход на алфавит государственного языка сверхдержавы. Казалось бы, сам по себе язык, его смыслы и его грамматика в данном случае не меняются, иным становится лишь внешний образ языка – начертание букв (символов). Однако символический элемент языка – его алфавит – также несет в себе определенные смыслы, и с его изменением постепенно меняется самоидентификация общества. На уровне коллективного бессознательного происходит всё большее отождествление с культурным и социальным кодом державы-тьютора, что закрепляет лимитрофное положение общества-реципиента.

Ключевым институтом мирового господства в идеологическом пространстве является так называемая **пан-идея** (термин К. Хаусхофера), т.е. мировоззренческая система, представляемая в качестве универсальной. Пан-идея позволяет структурировать идеологическое пространство глобального лимитрофа в интересах сверхдержавы, так же как и идеологическое пространство каждого элемента лимитрофа, вне зависимости от природы этого элемента – государственной или негосударственной. Пан-идея, по нашему мнению, определяет систему принципов, на базе которой сверхдержава строит соответствующую ее интересам систему международных отношений. В современном мире такой пан-идеей является либерализм с доминирующим концептом прав человека. Главный принцип предыдущей системы международных отношений, существовавшей с середины XVII века и базировавшейся на балансе сил сверхдержав Моря и Суши, принцип нерушимости государственного суверенитета – отражение геочивилизационной самостоятельности противостоящих сверхдержав – в настоящее время целенаправленно разрушается. Именно принцип государственного суверенитета представлял первую «линию обороны» обладания определенными ресурсами со стороны наций, политически конституированных в государство. Сегодня предпочтителен «мягкий» государственный суверенитет, т.е. возможность и необходимость преодоления суверенитета лимитрофных государств с артикулируемой целью обеспечения полного соблюдения прав человека в конкретном государстве.

Необходимо подчеркнуть, что выбор основополагающего принципа системы международных отношений не является случайным, а также не базируется исключительно на субъективных предпочтениях геополитических победителей. Напротив, данный принцип является отражением объективного закона функционирования соответствующей социальной системы. В данном случае принцип прав человека – базовый принцип либеральной экономической системы, для функционирования которой абсолютно необходима свобода предпринимательской деятельности, невозможная без целой системы экономических, политических и культурных прав человека. Поскольку в международном экономическом пространстве реальными акторами являются глобальные и транснациональные корпорации, постольку принцип прав человека фактически является инструментом «смягчения» государственного суверенитета определенных стран, чьи ресурсы соблазнительны для осуществления еще большей степени свободы предпринимательства той или иной корпорации, политическую поддержку которой оказывает соответствующая великая держава или сверхдержава (доминирующий центр силы). Так, после оккупации Ирака в войне, начатой США и их союзниками в 2003 г., нефтяные ресурсы этой страны (вторая в мире по запасам нефти после Саудовской Аравии) оказались в монопольной разработке двух американских и двух британских нефтяных глобальных компаний. Как известно, артикулируемым поводом для начала иракской кампании была необходимость защиты прав человека в Ираке, тиранически поправленных Саддамом Хусейном. В соответствии с этим в США было утверждено название иракской военной кампании – «Свобода Ираку», в том числе название ее начальной стадии – «Несокрушимая свобода».

Принципы функционирования современной системы международных отношений формируются не в меньшей мере в соответствии с тем, что созданное во второй половине XX века в ведущих капиталистических странах «общество потребления» требует своего дальнейшего развития, то есть – новых и новых ресурсов. Известен факт, что высокий уровень потребления в странах Запада обусловлен, в частности, тем, что они расходуют на это 75% мировых ресурсов. Дальше – или прекращение роста потребления теперь, или отодвигание этой неизбежной границы до стопроцентного контроля земных ресурсов именно со стороны совокупности западных потребительских обществ. Принято считать, что недостатки в значительной мере являются продолжением достоинств. В соответствии с этим можно утверждать, что выгоды демократии как присущего Западу политического режима образуют и прочную ловушку для него же. Необходимость получать преобладающий процент голосов избирателей на выборах понуждает к стимулированию роста уровня и качества жизни значительной части избирателей (в идеале – всех социальных слоев), а это требует овладения новыми ресурсными базами. Несмотря на развитие высоких технологий и артикулируемое сокращение значимости природных ресурсов, потребление нефти, газа, воды (как для питья, так и для производства электроэнергии и иных продуктов) не сокращается, а только увеличивается, порождая локальные войны как в географическом, так и в экономическом и иных типах геополитических пространств. Повторим, что основной препоной для получения западными потребительскими обществами новых ресурсов развития является именно государственный суверенитет, причем суверенитет прежде всего ресурсных стран. Итак, принцип «мягкого» государственного суверенитета – краеугольный для современной системы международных отношений и глобального лимитрофа, созданных в интересах единственной сверхдержавы – США.

¹ Дугин А.Г. Геополитика: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2011. С. 162.

Этот принцип новой геополитической системы, как и принцип свободы предпринимательства в рамках социальной системы капитализма, влечет целую систему принципов, логически вытекающих один из другого.

Уже в 90-е годы прошлого века как логическое развитие и дополнение принципа «мягкого» государственного суверенитета в западных экономических и политических кругах получила определенное хождение идея необходимости установления международного протектората в отношении малонаселенных ресурсных стран. Сегодня, десятилетие спустя, эта идея подкрепляется высказываниями различных политических деятелей высокого ранга (в первой половине 2000-х – госсекретарь США К. Райс, сегодня – канцлер ФРГ А. Меркель) о несправедливости того факта, что народы и государства, получившие возможность распоряжения значительными природными ресурсами, фактически узурпируют права всего человечества на эти ресурсы. Среди «малонаселенных ресурсных стран» – Бразилия, Россия, Монголия, Австралия.

Систематическое попрание прав человека в определенном государстве должно наказываться следующим образом. Постоянное нарушение экономических прав человека – объявлением данного государства банкротом с последующим назначением внешнего управления со стороны международных финансовых организаций (идея, высказанная в 2003 г. году заместителем директора Всемирного банка, но пока не реализованная). Систематическое нарушение всего комплекса политических прав человека и его гуманитарных прав может повлечь за собой так называемую «гуманитарную интервенцию», т.е. агрессию со стороны «развитых демократий». Этот принцип был сформулирован на юбилейной сессии НАТО в мае 1999 г. и в итоговом документе саммита получил название «принцип законного совместного международного интервенционизма». Было проведено четыре «гуманитарных интервенции»: Югославия (1999 г.), Афганистан (2001 г.), Ирак (2003 г.), Ливия (2011 г.). Наконец, главы государств и ведущие политики стран, где постоянно нарушаются права человека, должны подвергаться международному судебному преследованию. Однако, поскольку международная правовая база такого преследования не создана, арест данных политиков (С. Милошевича, Б. Плавшич и др.) получил название «творческого ареста» (термин видного швейцарского юриста К. дель Понте).

В связи с этим неслучайно формирование еще в 1990-е гг. термина «failed states» (Ч. Хейз), «государства-неудачники», причем «неудача» этих государств состоит именно в том, что они не могут сформировать и защитить систему прав человека, соответствующую либеральной парадигме. Население «государств-неудачников» не виновато в неудачах политиков, не сумевших правильно выстроить экономическую и политическую систему, и поэтому должно быть защищено от собственных политиков вышеприведенными мерами: «гуманитарной интервенцией», «творческим арестом» данных политиков и преданием их специализированному международному суду, а также процедурой государственного банкротства. Дальнейшее сделают «развитые демократии»: принесут на белоснежных крылах свободу, полный комплекс прав человека, а в награду себе, развитым и прогрессивным, присвоят все ресурсы данного общества-неудачника, произведя обмен символического капитала (права человека) на реальный. В самом термине failed states содержится и объяснение необходимости агрессии экономического или военного характера против таких государств как для победителей, так и для побежденных: мы вас победили не потому, что мы – агрессоры и желаем жить за ваш счет, вас победили потому, что вы – неудачники, не можете правильно распоряжаться своими ресурсами сами.

Технологическая подструктура системы мирового господства, по нашему мнению, выглядит следующим образом.

Технологии контроля геополитических пространств¹, разумеется, разнятся в зависимости от типа пространства, но, по нашему мнению, все они делятся на две больших группы – панельные и точечные.

Панельным мы называем такой тип геополитического контроля, который позволяет осуществить абсолютное господство на большей части или во всем объеме данного пространства. Такой контроль возможен лишь в нетерриториальных типах геополитического пространства, и его масштаб увеличивается по мере перехода от экономического к информационно-кибернетическому и к информационно-идеологическому пространству. Панельный контроль в географическом пространстве современного мира в его буквальной форме невозможен, но географическое пространство может абсолютно контролироваться сверхдержавой через специальные формы контроля экономического и особенно идеологического пространства. Панельный контроль части географического пространства, т.е. отдельного региона или тем более государства – дело вполне осуществимое.

Точечный контроль геополитических пространств это господство в ключевых точках данного пространства, определяющих его качество.

В географическом пространстве **панельный контроль** осуществляется только одним способом, и это – **силовой захват, или война**. Юридическое закрепление захвата позволяет распространить на захваченную территорию суверенитет государства-экспансиониста и уже на законных основаниях пользоваться плодами незаконного действия. В результате доминирования пан-идеи либерализма и ее ключевой концепции – концепции прав человека, открытая форма силового захвата никак не может быть осуществлена современной сверхдержавой без «потери лица». К тому же число так называемых «пороговых государств», т.е. государств, реально обладающих ядерным оружием – оружием сдерживания – или находящихся на пороге его создания, экспоненциально увеличилось после распада двоичной системы одновременного существования сверхдержав Моря и Суши, что не позволяет начать агрессию против этих государств вне реальной опасности нанесения агрессору неприемлемого ущерба.

Существует два основных выхода из этой ситуации:

1) использование лимитрофных государств для осуществления агрессии в интересах мирового гегемона,

¹ На наш взгляд, геополитическая технология является частным случаем социальной технологии, которую можно определить как совокупность средств и методов целенаправленного воздействия на некий социальный объект. Применительно к геополитическим объектам воздействия и выделяется такой тип социальных технологий, как геополитические.

причем в определенной степени реализуются и интересы непосредственных агрессоров. Примером контроля географического пространства через влияние на региональные державы может служить геополитическое поведение Пакистана, союзника США. Пакистан осуществил подготовку исламского движения «Талибан» и с его помощью – агрессию против Афганистана. Талибы практически контролировали всю территорию Афганистана до осени 2001 г., таким образом, в частности, обеспечивая важное для геополитических интересов США переориентирование туркменской и казахской нефти на юго-восточное направление транспортировки (по территории Афганистана) в обход территории России. Талибы не просто были подготовлены на территории Пакистана, в их рядах воевало два полка и один батальон регулярной пакистанской армии, а ряд полевых командиров Афганистана были кадровыми офицерами этой армии. Пример контроля географического пространства через влияние на малое государство – «война 08.08.08» со стороны Грузии, неудачная для нее, в отношении самопровозглашенных государств Абхазии и Южной Осетии;

2) «гуманитарная интервенция», т.е. вооруженная агрессия под предлогом защиты прав человека – обычно проводится в коллективной форме с использованием союзников по военному блоку для «размывания ответственности» реального инициатора агрессии. В современном мире преимущественно используется именно эта форма: контроль Балкан посредством «гуманитарной интервенции» в бывшей Югославии в 1999 г.; контроль Среднего Востока и его ядра – Центральной Азии – с помощью агрессии против Афганистана в 2001 г.; контроль Ближнего Востока через войну в Ираке в 2003 г.; контроль Северной Африки и Магриба посредством войны в Ливии в 2011 г.

Панельный контроль конкретного государства и особенно его отдельных территорий, помимо силового захвата, может быть осуществлен с помощью **демографической агрессии** (термин Х.Д. Маккиндера). Демографическую агрессию можно определить как незаконное проникновение одного этноса на территорию проживания другого с последующим экономическим и административным закреплением. Маккиндер, который впервые ввел этот термин в научный оборот, считал демографическую агрессию самым эффективным средством геополитической экспансии. Эффективность данного метода заключается в том, что демографическая агрессия осуществляется скрытно от властей страны-реципиента в течение длительного времени, и это обуславливает роковое запаздывание защитной реакции государственной машины. В принципе массированная демографическая агрессия может привести к отторжению части территории страны-реципиента в пользу государства, являющегося матричным для этноса-экспансиониста. Прием демографической агрессии использовал Израиль для закрепления территорий, захваченных в ходе арабо-израильских войн. Демографическая агрессия европейских переселенцев – наряду с силовым захватом – была основным методом образования Канады и Соединенных Штатов Америки, а также всех стран Латинской Америки.

Формами точечного контроля географического пространства можно назвать следующие.

Размещение военных баз в лимитрофных государствах. Этот метод, являясь точечным, при необходимости может преобразовываться в панельный, т.е. силовой захват. Контроль географического пространства в данном случае осуществляется через присутствие воинских контингентов государства-экспансиониста в стратегически важных регионах. Это дает возможность, во-первых, быстро среагировать на неблагоприятное для государства-экспансиониста изменение геополитической обстановки в этом регионе, осуществив силовой захват территорий или коммуникаций, и, во-вторых, сама такая возможность удерживает государства региона от соблазна каким-либо образом нарушить сложившееся геополитическое равновесие.

Поощрение сепаратизма. Сепаратизм – это стремление к отделению части территории государства и образованию на ней нового суверенного государства. Оставляя в стороне вопрос о причинах данного явления, отметим, что в геополитическом плане сепаратизм позволяет контролировать пространство стратегически важных регионов мира. Помощь сепаратистам (оружием, деньгами, кадрами, информационным и дипломатическим обеспечением) позволяет затем, при образовании нового суверенного государства, использовать его территорию для строительства военных баз либо использовать армию данного государства как «сторожа» территорий данного региона. Через территорию сепаратистского государства могут проходить важные коммуникации, оно может обладать значимыми природными и демографическими ресурсами.

Поощрение терроризма. Обычно осуществляется в скрытой форме, хотя иногда проявляется и открыто в случае идеологического обеспечения такой поддержки в виде признания террористов «борцами за права человека», в том числе «борцами за право наций на самоопределение». Это позволяет контролировать географическое пространство, на котором действуют террористы, а также воздействовать на параметры экономического пространства и политический курс определенного государства. После терактов 11 сентября 2001 г. терроризм был объявлен основной глобальной угрозой современности. «Глобальная война против терроризма», начатая мировой сверхдержавой США в конце 2001 г., позволяет под предлогом борьбы с терроризмом вмешиваться в дела любого государства и в любой форме, вплоть до вооруженной (свежий пример – агрессия НАТО против Ливии в 2011 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что противодействуют США в основном так называемому «исламистскому терроризму» – на территориях мусульманских государств, богатых углеводородами, а также морской разновидности терроризма – пиратству, неслучайно существующему в стратегически важных регионах (моря Юго-Восточной Азии, Аденский залив). Экспансия сверхдержавы в кибернетическом пространстве поддерживается военной структурой, официально созданной для противодействия кибертерроризму – Киберкомандованием США.

Значение контроля экономического пространства усиливается с развитием процесса глобализации и включения в либерально-рыночные отношения все большего числа стран. Контроль экономического пространства определенной страны позволяет добиться ее геополитического послушания в той мере, в какой она является экономически зависимой.

Основными формами контроля экономического пространства являются следующие (в порядке усиления).

Посредничество в доставке к потребителю и в использовании энергоресурсов и иных значимых товаров. Такая форма контроля экономического пространства позволяет затруднить или пресечь доставку товаров и

энергоресурсов и поставить условием возобновления поставок выполнение определенных требований политического или экономического характера. С последней трети прошлого, XX века существует термин «продовольственное оружие», обозначающий жизненно важные объемы поставок пищевых продуктов в развивающиеся и терпящие бедствия страны, предоставляемые на вполне конкретных политических и экономических условиях. Особенно действенно «продовольственное оружие» в странах Африки, 23 из которых находятся под постоянной угрозой массового голода. США активно пользуются названной технологией (посредничество) в своих интересах.

Строительство промышленных объектов и инфраструктуры на территории других стран, поставки оборудования. Промышленные объекты и инфраструктура – это индустриальные и постиндустриальные технологии. Построив завод в другой стране, государство-экспансионист привязывает к себе данную страну технологически, а также в плане поставок запасных частей к машинам и агрегатам, в плане консультаций специалистов. При этом строить промышленные объекты могут и частные фирмы, базирующиеся на территории государства-экспансиониста, геополитическую выгоду – их руками – все равно извлечет государство. Недаром к заключению крупных контрактов часто подключаются структуры министерства иностранных дел государства-экспансиониста и даже главы государств. Дороги и иные объекты инфраструктуры, как и все иные материальные сущности, имеют свойство со временем приходить в негодность. Поставки строительной и ремонтной техники, специалистов – это средства сохранения экономической зависимости страны-реципиента. Разумеется, либеральная экономика невозможна без международного разделения труда и, соответственно, без участия иностранного капитала в развитии экономики. Однако дело заключается не в данном факте самом по себе, а в степени, в масштабах иностранного присутствия в экономике конкретной страны. Опять-таки именно США сегодня наиболее интенсивно используют данную геополитическую технологию.

Предоставление кредитов. По нашему мнению это – основная форма геополитического контроля экономического пространства. Чем больше сумма кредита и чем труднее государству-должнику его вернуть, тем более жесткие экспансионистские требования может предъявить кредитор. Выплата суммы кредита и процентов по нему нередко превращается для страны с недостаточно развитой экономикой в трудную или даже неразрешимую проблему. В таком случае проводятся переговоры должника и кредитора по реструктуризации долга, т.е. по отсрочке выплат. Выплаты отодвигаются, но основным условием этого обычно бывает увеличение годового процента по кредиту. Так что может получиться следующее: итоговая сумма кредита становится намного больше изначальной. В феврале 2000 г. МВФ (Международный валютный фонд) ввел новые правила контроля над расходованием кредитов. Эти правила фактически обесценивают Фонду или «независимым международным аудиторам» доступ ко всем базовым финансовым секретам страны, претендующей на кредиты. Контроль над деятельностью самих по себе международных кредитных и финансовых структур – также одна из форм экономической экспансии. Так, США сегодня доминируют во всех крупных международных финансово-кредитных структурах, в частности, таких, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, а также Лондонском и Парижском клубах кредиторов. Это дает им возможность ставить условия предоставления кредитов той или иной стране через международные структуры.

Эмбарго. Санкции. Эмбарго – полный запрет торговли (распространяется либо на весь объем торговых связей, либо на какой-то определенный вид товаров). Санкции – ограничение торгового обмена в определенной сфере или лишение торговых льгот и преференций. Метод применяется для приведения того или иного государства к геополитическому послушанию. Актором введения санкций или эмбарго являются как международные организации (ООН, ОБСЕ, Организация Исламская конференция и т.п.), так и отдельные государства – прежде всего США.

Экономическая блокада (полный запрет всех форм экономических контактов с определенным государством). Применяется значительно реже других форм экономического воздействия на геополитического противника, т.к. очень трудна в осуществлении. Причина: экономический интерес в ряде случаев оказывается сильнее любых санкций и запретов, и меняется лишь его проявление – экономические контакты вместо осуществления в открытой форме реализуются тайно. США и государства их лимитрофа с 60-х годов прошлого века осуществляют блокаду Республики Куба.

Из перечисленных методов контроля экономического пространства первые два являются точечными, третий и пятый – панельными, а четвертый – комбинированным.

Контроль информационно-кибернетического пространства. Панельным методом контроля информационного пространства является **контроль производства и реализации программного продукта.** В современный период времени основным монополистом в производстве и реализации программного продукта является американская частная корпорация Microsoft. В начале работы Microsoft ходили слухи о тесных связях этой компании и Агентства национальной безопасности (АНБ) США: якобы последнее помогло Microsoft одолеть основного конкурента – могущественную компанию IBM, активно продвигавшую собственный программный продукт. Причина помощи со стороны АНБ – согласие Microsoft на установку в своих продуктах так называемых «закладок», т.е. программ вскрытия зашифрованных сообщений (на что не пошло руководство IBM). Любопытно, что одна из таких закладок называлась NSAKEU – от аббревиатуры NSA, что означает Агентство национальной безопасности США, и слова key, т.е. ключ. Учитывая, что Windows используется во многих странах мира, в том числе экономическими корпорациями и военными ведомствами, закладки типа NSAKEU открывают широчайшее поле кибернетического контроля информации в геополитических интересах США и американских корпораций.

Точечные методы контроля кибернетического пространства – **распространение компьютерных вирусов и хакерские атаки.** Возник особый вид хакерства – военное хакерство. Две страны современного мира имеют так называемые «сетевые войска» – это Китай, создавший такие подразделения первым (2008 г.), и США (2010 г.).

Контроль идеологического пространства. Данный тип геополитического пространства содержит ментальные ценности, производимые в рамках образовательных программ и научных раз-

работок, при создании произведений литературы и искусства, а также в деятельности СМИ.

Укажем на следующие методы контроля идеологического пространства.

Внедрение ментальных ценностей государства-экспансиониста в массовое сознание государства-реципиента. Благодаря этому идеологическое пространство данной страны становится частью идеологического пространства экспансиониста, и геополитическое расширение, производимое последним за счет данной страны в других видах пространств, уже не воспринимается реципиентом как агрессия.

В настоящее время данная технология осуществляется с помощью *радио- и телевещания, распространения печатных изданий в других странах*. Чем больше объем вещания и распространения печатных изданий, тем больше степень контроля идеологического пространства. Сверхдержава по определению имеет наибольший масштаб распространения своих электронных и печатных СМИ – глобальный масштаб. Применяется также *переориентация образовательных систем, научных направлений, процесса создания произведений литературы и искусства* в конкретной стране на ментальные ценности сверхдержавы. Основным стимулом переориентации – предоставление премий и грантов со стороны благотворительных или официальных структур государства-экспансиониста. Кроме того, практикуется активное внедрение образцов массовой культуры экспансиониста в идеологическое пространство реципиента.

Ментальные ценности сверхдержавы внедряются в идеологическое пространство других стран также посредством *обучения национальных кадров для других стран в учебных заведениях сверхдержавы*. Как правило, проживание в определенной стране и обучение на ее языке в течение нескольких лет впоследствии приводит к тому, что обучаемый в значительной степени воспринимает ментальные ценности этой страны как свои собственные. Таким образом, чем большее количество специалистов в ключевых отраслях промышленности, науки и искусства будут ментально тождественны государству-экспансионисту, тем в большей степени они сами станут индивидуальными акторами его геополитического расширения. Наибольшее количество иностранных студентов и слушателей сегодня – в США.

Контроль идеологического пространства с помощью *религиозных ментальных ценностей* является особенно прочным, т.к. религиозные догматы имеют ауру вечности и освященности сверхъестественными силами. Религия часто использовалась как действенное средство геополитического расширения (миссионерство), а иногда геополитическая экспансия прямо принимала форму религиозного действия (крестовые походы). Современная сверхдержава в непосредственной форме данный вид контроля не использует.

Создание и распространение мифов как с положительным, так и с отрицательным когнитивным смыслом. Миф об абсолютной и непреходящей природе идеологических ценностей, господствующих в культуре сверхдержавы, является действенным способом контроля идеологического пространства как геополитического противника (противников), так и глобального лимитрофа. Мифы с отрицательным когнитивным смыслом используются для разрушения идеологического пространства геополитического противника и для ослабления его ментальной сопротивляемости. Специалистами американской корпорации «Рэнд» предлагается термин «инфосфера» как синтез киберпространства и средств массовой информации. «Информационное оружие», применяемое в инфосфере – это не только информационный продукт для электронных сетей, но и идеологические программы воздействия на сознание, используемые средствами массовой информации. Эксперты «Рэнд» осознают потенциал информационного оружия как «оружия массового поражения нового типа». Рекомендуются создавать «специальные силы информации» по образцу сил специального назначения – для действий в инфосфере.

Перечисленные методы контроля идеологического пространства в значительной степени носят панельный характер. Точечные методы в сфере контроля идеологического пространства выделить трудно. Одним из немногих точечных методов контроля идеологического (ментального) пространства являются *слухи*. Слухи обычно анонимны, невозможно установить реальный изначальный источник их распространения. В то же время слухи передаются от человека к человеку, т.е. через знакомых людей, что придает им оттенок доверительности и правдивости. Слухи часто используются для дискредитации политических деятелей или целых государств с целью добиться определенной степени геополитического ослабления конкретного государства.

Можно выделить также комплексные (синтетические) технологии контроля геополитических пространств.

Дворцовые и государственные перевороты. Дворцовый переворот – это насильственная смена главы государства с целью изменения политического курса страны. Государственный переворот – насильственное изменение состава, структуры и функций всех трех ветвей государственной власти. Перевороты – очень эффективная форма контроля пространств. В результате переворота в конкретной стране более мощное государство-экспансионист может получить целый спектр геополитических возможностей: от размещения военных баз и получения выгодных концессий до полного контроля всех видов пространств данного государства. Разумеется, далеко не каждый переворот имеет геополитическую подоплеку и инициируется геополитическим противником, но случается и такое. Геополитическое значение переворотов подтверждает и ярко иллюстрирует тот факт, что в 1999 г. Конгресс США даже принял специальный закон, легитимизовавший попытки США совершить государственный переворот в Ираке руками шиитских радикалов.

Рубеж последних веков принес такую комплексную технологию абсолютного контроля пространств, как **сетевая война**. Можно дать следующее определение сетевой войны: это тотальное разрушение базовых характеристик определенной нации во всех типах геополитических пространств одновременно, осуществляемое преимущественно в скрытой форме. В сетевой войне используется весь объем перечисленных выше технологий. При этом в зависимости от конкретного периода и задач воздействия на противника та или иная сфера общественной жизни может становиться приоритетным объектом агрессии в сравнении с другими. Цель сетевой войны – прочное закрепление всей совокупности ресурсов общества-противника за геополитическим

агрессором, причем «передача» этих ресурсов агрессору осуществляется жертвой в значительной степени добровольно и с охотой, поскольку воспринимается не как агрессия, а как дополнительный импульс к восходящему развитию. В связи с этим сетевая война гораздо сложнее в осуществлении, чем традиционная «горячая», но и неизмеримо эффективнее. Результаты «горячей войны» обычно с течением времени оспариваются и размываются (мы можем это видеть на примере Первой и особенно Второй мировых войн). Результаты сетевой войны могут существовать веками – до того момента, пока не изменятся сами акторы-агрессоры и их базовые потребности. Основной фронт сетевой войны располагается в ментальном пространстве, где целью противника является разрушение традиционных базовых ценностей данной нации и имплантация собственных. Факт ведения и структуру этого типа войны невозможно распознать на уровне массового сознания. Если политическая элита общества, ставшего объектом сетевой войны, не имеет достаточной квалификации для выявления сетевой агрессии и организации адекватного отпора, то такое общество обречено на сокрушительное геополитическое поражение. Сетевые войны постиндустриальной информационной эпохи Постмодерна отличаются от «обычных» войн индустриального периода Модерна стремлением к внешне бескровному решению задач передела пространств и ресурсов¹.

Такова, по нашему мнению, структура мирового господства, взятая в самом общем виде. Почти все вышеуказанные элементы данной структуры, кроме тех, которые появились в позднюю индустриальную или постиндустриальную эпоху, являются применимыми к любой системе мирового господства – от Древнего мира до современности, меняется лишь их иерархия. Разумеется, нужно отметить тот факт, что сам феномен мирового господства имеет различную локализацию в зависимости от исторической эпохи – собственно мировым (глобальным) господство становится только после образования общепланетарной цивилизации.

Каждый тип геополитического пространства имеет свою подструктуру мирового господства, содержащую те же основные элементы (институты, ресурсы, технологии), но это – темы отдельных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.
Bzhezinskii Z. (2010). Velikaya shakhmatnaya doska. Amerikanskoe prevoskhodstvo i ego geostrategicheskie imperativy. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva.
2. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010.
Bzhezinskii Z. (2010). Vybor. Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva.
3. Дергачев В.А. Мировая гегемония // Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия / В.А. Дергачев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/12/80.html>
Dergachev V.A. Mirovaya gegemoniya. Geopolitika. Russkaya geopoliticheskaya entsiklopediya. URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/12/80.html>
4. Дугин А.Г. Геополитика: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2011.
Dugin A.G. (2011). Geopolitika: uchebnoe posobie dlya vuzov. Akademicheskii proekt, Moskva.
5. Дугин А. Геополитика Постмодерна. М.: Амфора, 2007.
Dugin A. (2007). Geopolitika Postmoderna. Amfora, Moskva.
6. Комлева Н.А. Геополитический статус государства: сущность и типология // Геополитика и безопасность. 2010. № 1 (9).
Komleva N.A. (2010). Geopoliticheskii status gosudarstva: sushchnost' i tipologiya. Geopolitika i bezopasnost'. N 1(9).
7. Комлева Н.А. Феномен экспансии. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2002.
Komleva N.A. (2002). Fenomen ekspansii. Izd. Ural. un-ta, Ekaterinburg.
8. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. 2005. № 3.
Model'skii Dzh. (2005). Evolyutsiya global'noi politiki. Polis. N 3.
9. Панарин А.С. Правда «железного занавеса». М.: Алгоритм, 2006.
Panarin A.S. (2006). Pravda «zheleznogo zanavesa». Algoritm, Moskva.
10. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006.
Panarin I.N. (2006). Informatsionnaya voyna i geopolitika. Pokolenie, Moskva.
11. Сетевые войны: угроза нового поколения. Сборник статей. М.: «Евразийское движение», 2009.
Setevye voyny: ugroza novogo pokoleniya. Sbornik statei. «Evraziiskoe dvizhenie», Moskva, 2009.
12. Тынянова О.Н. В поисках смысла концепта «политическая глобализация» // Ценности и смыслы. 2010. № 4.
Tynyanova O.N. (2010). V poiskakh smysla kontsepta «politicheskaya globalizatsiya». Tsennosti i smysly. N 4.
13. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. М.: Советская энциклопедия, 1983.
Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. Gl. red. Il'ichev L.F., Fedoseev P.N. i dr. Sovetskaya entsiklopediya, Moskva, 1983.
14. Цымбурский В.Л. Россия – земля за Великим лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
Tsyburskii V.L. (2000). Rossiya – zemlya za Velikim limitrofom: tsivilizatsiya i ee geopolitika. Editorial URSS, Moskva.

¹ Подробнее см.: Сетевые войны: угроза нового поколения. Сборник статей. М.: «Евразийское движение», 2009.